

ДЕМОН
ВПУСКАЕТСЯ
С ГОР

АЛИСА АВЕ

фэнтези

МИО

ГЛАВА 1

Гнилые земли

Девушки сидели в доме тетушки Гаши, плели корзины. Руки их не отвлекались от работы, а работа не мешала оживленной беседе. Айсэт тоже плела. Связывала ветви боярышника шерстяными нитями и напевами. Трудилась над оберегом. Гумзаг, их жрец, поручил матери поднимать Айсэт среди ночи и требовать повторять тот или иной заговор. И мать неустанно исполняла наказ, тормошила Айсэт каждую ночь. Слова запечатлелись на веках Айсэт, остались зарубками на зубах. Стоило закрыть глаза или провести языком по нёбу, заговоры выходили из нее легче, чем дыхание:

*Глазом одаренный, да сердца лишенный;
Словом наделенный, да разумом ослепленный,
Если навредил тебе, пусть небо покарает его.
Пусть проклянут боги. Боги, что были; боги, что будут.
Того, кто укусил, я кусаю.
Того, кто слово молвил, языка лишаю.*

*У того, кто здоровье забрал, силы отбираю.
Пусть услышат люди живые и люди мертвые.*

Маленького Дымука третий день лихорадило. Чаж, его мать, которая еще два года назад сидела вместе с остальными за плетением, нашептала Айсэт всех возможных виновниц болезни сына. В котелке над очагом дымился настой. Айсэт собрала горьких трав, рассказала Чаж, как заварить травы, как остудить, как давать Дымуку. Но Чаж настаивала, что лихорадка, охватившая сына, от сглаза. Прозвучало имя свекрови Чаж, хозяйки дома — тетушки Гаши, и имена девушек, приходивших проведать больного мальчика. Они принесли ему лепешек и каши с медом, но дары не помогли им освободиться от подозрения. Айсэт покорно перебирала в заговоре подсказанное. Создавала магический узор, в котором запутается чужая злая воля. Она привыкла к тому, что деревенские искали причины недугов друг в друге. И заговоры от порчи просили чаще целебных трав.

Айсэт пришла к Чаж и ее сыну позже других. Задержалась дома. Так некстати, под Ночь Свадеб, разболелись деревенские. И отец, и мать, и старый Олагай — их ближайший сосед, — и крошка Дымука — внук тетушки Гаши, — и Нафица, у которой ребенок не спешил появиться на свет, хотя срок его наступил. Даже корова с ночи не могла отелиться. Айсэт уговорила мать отдохнуть и сама тянула теленка за скользкие ножки, успокаивая корову ласковыми напевами. Козы бляели, чувствуя смерть, что могла присмотреться и к ним. Теленок родился мертвым. Айсэт трижды произнесла заклинание, призванное убереечь остальной скот и его

хозяев от беды. И перечислила в нем имена всех жителей деревни.

Она знала, что мать, не позволявшая себе отдыха даже во время болезни, со стоном готовила утреннюю трапезу. Отец лежал, уставившись на кинжал, который висел на стене мужской половины дома и давно уже смирился с покоем. А тетушка Гошан, жена Олагая, высматривала Айсэт со своего двора. Окрик ее плутал между стволов любимых отцом груш и яблонь, метался меж крытых соломой островерхих пчелиных домиков, расставленных ровными рядами — по семь ульев в каждом. Путался в густом переплетении прутьев в стенах их круглого жилища — почти улья для маленькой трудолюбивой семьи. И замолк в испуге, натолкнувшись на Айсэт, которая выбралась, наконец, из коровника и спросила, что же нужно достопочтенной тетушке на этот раз.

Точно так же дрогнули и оборвались голоса девушек, когда Айсэт вошла в дом Чаж. Потом разбежались громкими шепотками: «Ведьма явилась. Удэ пожаловала». Девушки посматривали на Айсэт исподлобья. Тетушка Гаши на Айсэт взирала с презрением. По ее мнению, Гумзаг должен был скатиться с верхней части деревни, где его дом венчал маленькое поселение, хоть на спине. Ведь муж тетушки Гаши лично просил старого жреца поглядеть на расхворавшегося внука. Но вместо широких, хоть и согбленных плеч, покрытых черной буркой, и высокой мохнатой шапки из темноты явилась худая, лохматая, босоногая Айсэт.

— Если бы знала, что растить детей так трудно, добровольно пошла бы к духу, — громко прошептала Чаж.

Она вся взмокла от жара, плывущего по дому. Травы делились своим ароматом, заговоры — силой, но Дымук не приходил в себя.

— Как Айсэт? — спросила одна из девушек. — Она вон все в лес ходит, не дожидаясь свадебного дня. Приглядывается к жениху.

Айсэт сжала зубы, выпевая заговор. Чаж покосилась на нее.

— Просит, видать, чтобы забрал. Надеется, что хоть дух на нее позарится.

Девушки засмеялись. Туман настоя всполошился девичьим смехом, закрутился, затанцевал. Дымук задышал часто и тяжело. Чаж склонилась к нему, мелькнувшая улыбка сменилась тревогой. Она то и дело поглядывала на раскачивающуюся над сыном Айсэт, на ее правую щеку и глаз, на пятно, что напоминало винный потек или огненный отпечаток. Или, как говорили многие, кровь, которая забыла, что ей место внутри человека, а не на его коже. Отводила взгляд, брала Дымука за руку и прижимала его ладонь к своему лбу.

— Не слушай их, пожалуйста, — попросила Чаж. — Вылечи его, я знаю, ты можешь.

Айсэт мотнула головой, отгоняя шепот, что мешал напеву. Распущенные черные волосы упали на лицо, отрезая Айсэт от Чажа. Ни к чему матери отвлекаться от больного ребенка, она должна мысленно повторять целительные слова знахарки, чтобы укрепить их. «Ничто так не помогает человеку, как молитва матери», — сказала ей Айсэт, прежде чем сесть рядом с Дымуком. И думала, что Чаж все поняла. Но ту куда больше волновал смех подруг, которых она подозревала в сглазе, и метка на лице Айсэт.

— Бросьте смеяться, — подала голос тетушка Гаши, круглолицая, дородная, в неизменной зеленой шапочке и черном платке, из-под которого выглядывала седая коса, — если не хотите вскоре слезы лить.

Любая девочка с детства усваивала завет старших женщин: много смеяться — много плакать. Слезы не всегда следовали за весельем, но запрет впитывался глубоко, девушки замолчали. Тетушка Гаши поглядела поверх их голов на сидящую в углу Айсэт, поджала губы. Могучая грудь ходила вверх-вниз, тетушка выражала недовольство и ведьмой, и невесткой.

— Разбредайтесь по домам, займитесь положенными делами. Мать должна смотреть за детьми, девушка — готовиться стать хозяйкой и матерью, — тетушка перемежала оханье с наставлениями, чтобы лучше доходило до непутевых девиц. — Вы достаточно разделили нашу печаль. А ведьма пусть лечит ребенка. Или бежит за жрецом, если сама ни на что не способна.

Девушки поклонились старшей хозяйке дома, пожелали Чаж здоровья для сына и покинули дом.

— Скажешь что по делу? — требовательный взгляд тетушки царапал лицо Айсэт. — Или заставишь старуху идти за Гумзагом?

Мужчины семьи тетушки Гаши еще не вернулись с пастбища. Повели коз и коров к западному отрогу гор, где скот мог прыгать среди камней и утесов, отыскивая мягкую весеннюю зелень. Чаж с тоской глянула на Дымука, на свекровь, на порог и схватилась за рукав Айсэт.

— В доме было слишком много холодного воздуха, — спокойно ответила Айсэт. — Ветер в это время носит

лихорадку. Учитель предложит всей семье пройти под орехом. Я скажу ему — и он выроет яму.

— Под орехом пройдет вся деревня, если Гумзаг скажет. Но это будет завтра. А ее ребенок умрет сегодня. Лихорадка или глупость погубит его; я сказать не решусь, но смерть его останется на твоей совести, удэ.

— Нет, — воскликнули хором Айсэт и Чаж.

— Айсэт вылечит его!

— Мальчик не умрет.

— Тогда лечи моего внука как умеешь. И надейся, что милостивый Тха* поможет тебе.

Тетушка Гаши вернулась к своему занятию. Руки мелькали над треугольной доской с острыми зубьями: она вычесывала шерсть, перебирая продольные и поперечные нити. Невестка ее сейчас почти не интересовала. Тетушка шмыгала носом, запах настоя ей не нравился.

— С охоты добычу приносящему на бурку шерсть расчесываю, — зачастила тетушка Гаши себе под нос. Все женщины знали простые заговоры, что защищали близких от холода, тревог и неверного пути по лесу.

— Ты же вылечишь Дымука? — Чаж снова перешла на шепот. — Он мой первенец, такой ласковый, такой родной. Что я буду делать без него в этом доме? Дымук любит тебя, Айсэт. Наши детки любят тебя и никогда не обижают. Ты же вылечишь его?

Айсэт смотрела в пол. В пламени очага плясали тени: ее, Чаж, тетушки. Тени низенького трехногого стола, котла и цепи, жерновов ручной мельницы, домашней утвари, перекладин под крышей, на которых

* Верховный бог, создатель Вселенной. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

размещались седла, большие деревянные блюда и связки трав, узкой кровати Дымука. И его самого. Тень мальчика нитью вилась по полу. И по ней Айсэт куда лучше, чем по горячему лбу и холодным рукам и ногам Дымука, понимала, что Чаж ошибалась в своих предположениях о дурном глазе, а тетушка Гаши права, говоря о смерти. Завтра утром девушки, которые нарушили покой дома смехом, огласят его воем и причитаниями.

— Уведи тетушку, — приказала Айсэт. — Заговоры не помогут.

Чаж вцепилась в ее ладонь. Пламя очага коверкало черты, на лице молодой матери застыла маска страха.

— Делай.

Чаж двигалась бесшумно. Присела рядом со свекровью, что-то сказала на ухо, заглядывая в глаза. Раз, второй, третий. И тетушка Гаши поднялась, качнув животом, в два шага добралась до порога и вышла в теплый вечер. Айсэт не спросила, что именно шепнула Чаж тетушке Гаши. Она привыкла к тому, что по велению Гумзага люди покидали дом больного. Находили нужные слова, чтобы исчезнуть, предоставить колдуну творить свою магию, не хотели видеть пляску жизни и смерти, в которую так легко вовлечься. Тетушка, как и прочие, боялась демонов, в дикой жажде крови преследующих рожениц и детей до трехлетнего возраста. Боялась нагучицы*, наверняка накормившей ее внука молоком своих железных

* Нагучица — злая ведьма-людоедка. Уродливая, дряхлая и горбатая старуха с железными зубами и грудями, закинутыми за спину.

грудей. И обманщицы-лисицы, что могла принять облик Чаж и заколдовать ребенка, чтобы утащить его в лес. И неопытной ведьмы, которой нечем было напугать всех этих голодных созданий земли, разве что собственным лицом.

Чаж вернулась к сыну.

— Держи его за плечи, — распорядилась Айсэт. — Покажется, что сил больше нет, — не отпускай. Услышишь голоса — не отвечай. Увидишь, что я падаю, — не вздумай поднимать. Как закончу, сядешь к его голове. Я уйду, и ты не окликнешь меня. Повтори!

Пар, смех, угрозы и просьбы выветрились из головы Айсэт, пока Чаж повторяла ее распоряжения. Она почти упустила последний вопрос Чаж: «Этому тебя Гумзаг научил?» — и едва удержалась, чтобы не признаться: «Нет».

Айсэт наступила на тень Дымука. И провалилась в нее.

Голубая дымка приняла Айсэт, обернулась водой, утянула в глубину. Айсэт никак не могла привыкнуть к холоду и мраку, которые накрывали ее, стоило вступить в тень больного. Она колотила руками и ногами, рвалась на поверхность, но тело оставалось неподвижным. Вода тянула в черноту, что расползалась по голубому простору. Айсэт закрыла глаза, позволяя темноте пробраться в нее, затем открыла и приказала телу слушаться. «Утонешь», — на разные лады бормотали воды.

Айсэт наступала на тень, и та разливалась под ней воды болот. Густо-голубые у поверхности и черные в глубине, они были знакомы всем в ауле. Смердные и губительные для всего живого, болота определили название Гнилых земель и существование несчастных,

рожденных в их пределах. Но никто в деревне Айсэт не подозревал, что эти воды они носили и в тенях, следующих за ними по пятам. Носили вместе с часом своей смерти.

«Утонешь, — повторялось знакомое обещание, пока Айсэт погружалась во мрак недуга, утягивающего Дымука прочь от матери. — Мы всегда будем с тобой».

Айсэт чувствовала сопротивление воды, разгоняла пузыри воздуха, застилающие обзор. Порой тени показывали прошлое, но у Дымука прошлое меньше капли в этом черноводном пространстве. Если он и помнил что-то, горячка болезни вытеснила воспоминания. Воды дарили ему мягкое тепло, а течение звало отдохнуть от боли и судорог.

Дымуку тонуло быстрее Айсэт. Она теряла очертания его тела, окруженного слабой белой дымкой. Тусклый свет не принадлежал болоту, он исходил от Дымука. Малыш отдавал себя миру теней. Не тянул наверх рук, не дергал ногами, тонул ровной веточкой, покорной судьбе. Айсэт снова закрыла глаза — нужно было принять воду мальчика, уговорить не выталкивать ее прочь. И предложить то, к чему Дымуку захочет стремиться. Умиравшие забывали о связи с землей. Смерть приходила с лаской, с ночным шепотом звезд и свежим воздухом гор вместо страданий. Воинам обещала славу, матерям — детский смех, сыновьям — материнский взгляд, дочерям — отчий дом и первую, почти запретную любовь. Детям — колыбельную, которую они слышали, впервые войдя в этот мир. Айсэт должна была спеть Дымуку колыбельную раньше смерти. Вот и глотнула черной воды, что пахла настояями, которыми Айсэт отгоняла хворь, и ощутила, как болезнь

Дымука входит в нее. Воды тоже пели. Множество голосов переполняло тело ребенка: «Ты останешься один, никто не полюбит тебя. Тебя оторвут от матери и отца и бросят в чужие руки». Болото твердило ему о скором уходе из семьи, и в Айсэт пробирался холод страха — Дымук верил голосам, и душа его нуждалась в защите темных вод: «Здесь никогда не бывает одиноко. Мы всегда рядом с теми, кто вверяет нам душу».

Тело Дымука расслабилось. Зато напряглась Айсэт, она не могла тратить время попусту:

*В люльке детской кот дремал,
Сладкий сон к себе позвал.
Сладкий сон кота позвать
Обещает к сыну мать...*

Вода подсказала Айсэт колыбельную, которую пела Чаж, когда Дымук родился. Как подсказала и то, что в ее шепотках вовсе нет лжи: пройдет три года — и, согласно традициям, Дымука отправят в другую деревню, воспитываться в чужой семье, засыпать под песню чужой матери, если, конечно, она захочет ему петь.

«Она откажется от тебя, — настаивали тени болота, — ты ей не нужен. Но мы принимаем, мы любим детей».

Родная мать не могла воспитать из сына настоящего мужчину, ведь она окружала его заботой, воркованием, душила любовью и нежностью. Приемная семья учила мальчиков самостоятельности, трудолюбию, силе духа и тела. Но вода шепнула Айсэт, что Дымуку не стать мужчиной, он вернется в холодную глубину смерти,

достигнув десяти лет. «Так зачем тебе кидать его из одной гибели в другую?» — вопрошали тени.

Смерть прикрывалась милосердием.

«Если отдать его тебе сейчас, — спорила с ней Айсэт, — то через день-два ты придешь и за Чаж. Ты обещаешь ей встречу с сыном. И она пойдет с тобой не оглядываясь».

*Лау-лау, люльку я качаю.
Сон придет, как кот пришел,
И все будет хорошо.
Спи, сынок, наступит срок,
Станешь статен и высок,
Кудри солнце напоит,
Всех врагов твоих сразит.
И от сглаза, и от зла
Защитит оно тебя...*

Марево отделилось от Дымука и поднялось к Айсэт. Она выпростала руки и обхватила еще пока не самого мальчика, а его намерение вернуться к жизни. Вода забурлила. Гнилостный болотный запах забрался в нос вместе с водой. «Не верь ведьме, — задрожало болото, — она сама тонет. Она обманывает тебя, никто больше не споет колыбельных. Все уйдут, все умрут. Никого не останется в проклятых землях. Но твой сон не потревожит их боль. Ты будешь с нами ждать в тишине и покое».

*Наша гордость и наша краса,
Ты, малыш, — золотая роса,
Что упала на наше село.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Гнилые земли	5
Глава 2. Горный дух	39
Глава 3. Кувшины на плечах	61
Глава 4. Всадник во сне и наяву	88
Глава 5. Ночь Свадеб	106
Глава 6. Последний рассвет	126
Глава 7. Пещера Безмолвия	154
Глава 8. Железные врата	172
Глава 9. Дикий мед	195
Глава 10. Пастух пчел	226
Глава 11. Каменный дом	249
Глава 12. Песня свирели	282
Глава 13. Дитя озера	312
Глава 14. Семь глаз под небом	346
Глава 15. Замершее слово	373
Глава 16. Старшая сестра	395
Глава 17. Огненные воды	422
Благодарности и некоторые пояснения . . .	450